

Е.В.Петрухина (Москва, МГУ)

Актуальные вопросы системного словообразования

1. Введение. Полное описание системы словообразования современного русского языка в работах 70–80-ых гг. (см. работы Е.А.Земской, В.В.Лопатина, А.Н.Тихонова, И.С.Улуханова и др.), в академических грамматиках русского языка (1970, 1980 гг.), а также создание словообразовательных словарей русского языка, решив основные проблемы изучения структурных единиц словообразовательной системы – словообразовательных типов, словообразовательных гнезд и способов словообразования, тем самым, казалось бы, исчерпали проблематику системного словообразования, оставив возможность лишь детализации исследования отдельных участков системы (что породило множество частных работ и кандидатских диссертаций, в которых описывались отдельные форманты, способы, типы и гнезда словообразовательной системы русского языка). Тем не менее, параллельное развитие ономаσιологического направления в словообразовании потребовало укрупнения содержательных единиц деривационной системы русского языка и введения понятия словообразовательной категории [Dokulil 1962: 203; Земская 1992: 25-27; Коряковцева 1999].

Применение коммуникативных, дискурсивных и когнитивных идей к изучению словообразования выдвинуло новые исследовательские задачи – изучение словообразования как деятельности [Милославский 1980, 2002; Земская 1992], реконструкцию на материале производных слов и словообразовательных моделей актов познания и восстановления путей осмысления человеком наблюдаемого мира [Кубрякова 1998; 1999; 2004]. Исследование функционально-коммуникативных аспектов словообразования выявило, что, с одной стороны, «словообразовательный механизм русского языка – мощная и активная сила», практически не подвергающаяся, в отличие от других подсистем русского языка (например, таких как фонетика, лексика, синтаксис) иноязычному влиянию даже в условиях зарубежья (напротив, русские словообразовательные структуры используют иноязычную лексику) [Земская 2000: 145]. С другой стороны, именно словообразовательная система наиболее оперативно и активно реагирует на социально-экономические, политические и культурные изменения в российском обществе, создавая новые производные слова, деривационные типы и даже способы словообразования для удовлетворения возникающих номинативных и коммуникативных потребностей социума [Земская 1992, 1996; Нещименко 2001, 2004].

Возникает вопрос, как сосуществуют и взаимодействуют эти две важнейшие тенденции функционирования и развития словообразования русского языка? Из упомянутых выше работ по системному словообразованию ясно, что устойчивость деривационной системы и ее структурных единиц создается за счет двух осей организации – гнездовой и типовой, а также за счет продуктивности многих словообразовательных типов и высокого удельного веса производных слов среди номинативных единиц русского языка [Тихонов 1999]. Изучение активизации русского словообразования в последние два де-

сятилетия потребовало новых системных исследований, которые позволили бы объяснить и описать гибкость и динамичность словообразовательной системы русского языка, порождающей все новые и новые узуальные и окказиональные слова. Динамический аспект словообразовательной системы русского языка исследуется И.С.Улухановым в монографии 1996 г. [Улуханов 1996], которая, как представляется, не получила должной оценки и отклика в современной русистике. В дальнейшем речь пойдет о ряде проблем, поставленных в данной книге, а также о связанных с ними теоретических вопросах. Нас интересуют прежде всего те свойства словообразовательной системы, которые обеспечивают огромные словотворческие ресурсы русского языка.

Динамичность словообразовательной системы русского языка создается, по нашему мнению, прежде всего за счет ее 1) лакунарности; 2) относительной асимметричности формальной и семантической структуры производного слова и допустимой нежесткости его морфемного членения; 3) увеличения количества продуктивных словообразовательных моделей, по которым узуальные слова не воспроизводятся, а образуются в речи; 4) возможности разнонаправленных производных отношений не только в дискурсе, но и в самой словообразовательной системе; 5) расширения семантики производного слова. Рассмотрим данные тезисы подробнее.

2. Лакунарность. В [Улуханов 1996] словообразовательная система русского языка описывается как «совокупность возможностей (или «клеток»), одни из которых реализованы («заполнены»), а другие не реализованы («пустуют»)» [Улуханов 1996: 7]. «Исчислительно-объяснительный метод» описания словообразовательной системы в идеале позволяет сопоставить узуальные и окказиональные производные и предсказать основные направления деривации окказионализмов. Одной из причин таких словообразовательных лакун являются неполные словообразовательные цепочки, пропущенные звенья которых всегда могут быть восстановлены окказионально при помощи редеривации: **сложнить задачу*¹, *радиовещать, *надзорный и т.д. Обратные способы словообразования – десуффиксация, депрефиксация, депостфиксация, десубстантивация активно пополняют состав окказиональных дериватов, зафиксированных в текстах русского языка конца 20-го и начала 21-го в.в. [Земская 1992; 1996; Улуханов 1996: 3-50]. Как своего рода лакуны можно рассматривать и крайние, нереализованные, звенья словообразовательных цепочек, которые заполняются потенциальными словами, образованными по продуктивным словообразовательным моделям, например образование имен лиц женского пола: *депутатка*, *бизнесменка* и др. [Земская 1992: 180-182].

Как представляется, продолжением исследований деривационной системы в этом направлении могло бы стать изучение закономерностей появления неполных словообразовательных цепочек, выявить которые можно лишь прибегнув к семантическому анализу словообразовательного механизма комбинации смыслов с точки зрения активных речевых действий [Милославский

---

¹ «Звездочкой» (*) отмечены окказионализмы.

1997; 2002; 2003]. Как установлено, словообразовательная система русского языка» прекрасно приспособлена для выражения одних значений, например таких, как результативность действия и отрицательное отношение к лицам и предметам [Милославский 1997: 217], тогда как выражение других значений, например позитивного отношения (в том числе соответствия норме) к лицу, признаку либо ситуации узуальными словообразовательными средствами во многих случаях затруднено. Именно такие лакуны в словообразовательной системе легко заполняются окказиональной лексикой, например: *билетник (безбилетник), *божник (безбожник), *вольник (невольник), *доучка (недоучка), *людим (нелюдим), *смышленныеш (несмышленныеш), *удачник (неудачник), *улыба (неулыба); *приглядный (неприглядный), *прикаенный (неприкаенный), *путевый (непутевый), *честивый (нечестивый); *приятность (неприятность); *вкусица (безвкусица), *работица (безработица).

Аналогично в глагольной системе при образовании глаголов от имен прилагательных со значением приобретения какого-либо признака выражается прежде всего результат (приставочно-суффиксальным способом), сам же процесс приобретения или становления признака может быть выражен при следующем деривационном шаге либо узуальной суффиксацией, либо, как правило окказиональной, депрефиксацией: *заземлить* – *заземлять* (*землить), *обводнить* – *обводнять* (*воднить), *оголить* – *оголять* (*голить), *посерьезнеть* – *серьезнеть, *засахариться* – *засахариваться* (*сахариться). Стилистическим эффектом редеривации (депрефиксации) является подчеркивание регулярности действия, своего рода его укрупнение, обобщение, так как известно, что приставки сужают значение глагола. Ср.: *Землить компьютеры необходимо соблюдая определенные правила* («Интернетжурнал о профессиональном оборудовании и инсталляции»); *Вообще тенденция во всем «цивилизованном» мире такова - взростеть, **серьезнеть** и в Новый год дарить не какие-нибудь танцующие цветки, а косметику и часы. Так живут взрослые люди.* («Огонек» N44 декабрь 3003); *Моя ненависть к природе здесь начинает окисляться, бродить, **сахариться**, закипать, вариться и превращаться в первосортную любовь...* (Евгений Проворный. Рассказы). Глаголы *банкротить*, *банкротиться*, не зафиксированные ни в одном словаре современного русского языка, удовлетворяя актуальные номинативные и коммуникативные потребности российского социума в новых социально-экономических условиях, сразу же перешли в разряд узуальной лексики, ср.: *ЮКОС банкротить не будут* («Независимая» 24.12.03); *ЮКОС передумал банкротиться* (Урал.Полит.Ру: 19.08.04). Выбор окказионального бесприставочного глагола НСВ, нередко при наличии узуального приставочного глагола НСВ (**греметь куда-либо* (ср. *загреметь куда-либо*), **сушить / осушать бутылку вина*, см. примеры в [Улуханов 1996: 44-45]) актуализирует семантические связи деривата, представляющего особый лексико-семантический вариант, с исходным бесприставочным глаголом.

Лакунарность словообразовательной системы не исчерпывается лакунами в словообразовательных цепочках. И.С.Улуханов ставит новую проблему исследования этого свойства словообразовательной системы, исчис-

ляя возможные и реализованные в узуальных и окказиональных производных сочетания способов словообразования. Обнаруживается, что в словообразовательной системе русского языка имеются многочисленные лакуны, соответствующие не отдельным словам, а более крупным единицам системы – словообразовательным формантам. Анализ потенциальных и окказиональных дериватов показывает возрастание роли смешанных словообразовательных формантов, состоящих из нескольких словообразовательных средств: «неологизмы и окказионализмы образованы не по образцу слов определенного словообразовательного типа, а на основе других связей и отношений, свойственных словообразовательной системе и выходящих за пределы типа» [Улуханов 1996: 147]. Вопрос о смешанных словообразовательных формантах актуализирует проблему соотношения их формы и содержания, статуса словообразовательного средства и, соответственно, морфемной членимости форманта и производного слова в целом.

2. Проблема изоморфизма / асимметрии планов выражения и содержания дериватов и членимости словообразовательных формантов. И.С.Улуханов стоит на позициях строгого изоморфизма между формой и содержанием словообразовательного форманта: «если каждой из составных частей сложного комплекса можно приписать значение, с которым она повторяется в других словоформах, то эту часть следует выделять в качестве отдельного морфа», если же значение словообразовательного форманта не членится на части, то и сам формант не следует членить на морфемы [Улуханов 1996: 36, 37].

Известно, что изоморфизм между формальной и содержательной сторонами производного слова реализуется в разной степени. У ряда слов соотношение формы и содержания дериватов характеризуется иконическим принципом: мотивирующая основа и формант соотносятся с двумя основными элементами их содержательной структуры, при этом достигается изоморфизм формы и содержания производного, (например, *гимнаст-к-(а)* = ‘гимнаст + женскость’; *стакан-чик* = ‘стакан + маленький’). Но у многих производных нельзя говорить о полном изоморфизме, когда, например, все те же два элемента формальной структуры (основа и аффикс) соотносятся с несколькими элементами его содержательной структуры. Даже в именах лиц, имеющих однозначные суффиксы со значением лица (например, суффикс *-ист*), наблюдается асимметрия плана выражения и плана содержания, ср. *программ-ист* – ‘тот, кто (*-ист*) **делает** программы (*программ-*) **(для компьютера)**’ (жирным шрифтом выделены не выраженные формально существенные элементы семантики производного слова). Еще в большей степени идиоматична семантика производных имен предметов, данный факт детально описан в работах российских лингвистов (Е.А.Земской, О.П.Ермаковой, И.Г.Милославского и др.). Как представляется, в ряде случаев нет полного изоморфизма между структурой и содержанием и некоторых формантов. Рассмотрим данный вопрос подробнее.

Считаем, что наиболее адекватно соотношение формы и содержания производного слова представляет такая точка зрения, согласно которой его

морфемная сегментация отражает живые в современном русском языке семантические и формальные отношения деривата с другими словами, но при этом морфемный состав производного не обязательно тождествен его словообразовательной структуре: при одном деривационном шаге может использоваться одновременно несколько морфем. Так, дериваты *при-мор-ск-(ий)*, *не-побед-им(ый)*, *об-нов-и-(ть)*, *жеречь-ев-к(а)*, *борозд-ова-ниј(е)* образованы формантами, состоящими из двух морфем: префикс+суффикс (*при--ск-*, *не--им-*, *об--и-*), суффикс+суффикс (*-ев-к-*, *-ова-ниј-*). В рассмотренных примерах каждая из морфем имеет то значение, с которым она повторяется в других словоформах, хотя по отдельности с данными мотивирующими не участвует в деривационных процессах (ср. *морский, *жеречьевать, *победимый, *бороздовать) [Улуханов 1996: 37]. Такое морфное членение приведенных выше слов поддерживается наличием в русском языке производных, в которых подобные морфемы обладают деривационной самостоятельностью: *усадеб-н(ый)* – *при-усадеб-н(ый)*; *обитат-ем(ый)* – *не-обитат-ем(ый)*; *блок* – *блок-ирова(ть)* – *блок-иров-к(а)*; *кольцо* – *кольц-ева(ть)* – *кольц-ева-ниј(е)*.

Аналогичные рассуждения, с нашей точки зрения, применимы также к словам *издевательство*, *очаровательный*, *изюминка*, *женственный*, в которых словообразовательные форманты можно рассматривать как блоки суффиксов (*-тель-ств-*, *-тель-н-*, *-ин-к-*, *-ств-енн-*), – первые их части соотносятся с пропущенными звеньями словообразовательной цепи и потенциальными дериватами, не реализованными в языковой системе (*издеватель, *очарователь, *изюмина, *женство) [Оливериус 1976: 26; Милославский 1980: 24-36;]. Подобные дериваты образованы по аналогии с типичными последовательностями морфем, представленными в производных с полной словообразовательной цепочкой (*учи-тель-ств(о)*, *обогрева-тель-н(ый)*, *горошин-к(а)*, *муж-еств-енн(ый)*), в семантике которых представлены значения всех составляющих его элементов, ср., например, *обогревательный прибор* (‘прибор, действующий как обогреватель’), *указательные знаки* (‘знаки, служащие указателями’), *освободительная армия* (‘армия освободителей’). Но приведенные производные слова допускают и другие толкования, при которых значение суффикса *-тель* может быть не актуализировано, т.е. в блоке двух морфем *-тель-н-* последняя отменяет, «зачеркивает» [Милославский 1980: 35-36] значение первой: ср. ‘прибор, который обогревает’, ‘знаки, которые указывают’, ‘армия, которая освобождает’. Это создает в современном русском языке базу для образования по данной модели многочисленных отглагольных прилагательных (ср. *блистательный*, *язвительный*, *употребительный*, *описательный*, *питательный* и т.д.) при помощи сложного форманта *-тельн-*, вопрос о членимости которого решается неоднозначно, точно так же как и ряда других формантов. Ниже приводятся примеры производных с такими сложными суффиксальными формантами (первое производное с каждым формантом представляет комбинацию суффиксов, способных выступать в данном деривационном ряду отдельно, а последующие – не способных): (*ов/ск-*) *отцовский* // *вузовский*; (*-н/ик-*) *чайник* // *дворник*, *завист-*

ник; (-оч/к-) *ниточка* // *звездочка, карточка*; (-ирова/нн-) *эмансипированный* // *купированный (вагон), эрудированный* и т.д.

Подобные сложные форманты, особенно характерные для именного словообразования, трактуются по-разному: 1) первые элементы (например, такие, как -ов- -ин- в словах *вузовский, читинский*) рассматриваются как интерфиксы, т.е. незначимые «прокладки» между морфемами, «обслуживающие» основу с тем, чтобы она могла включиться в деривационные процессы [Земская 1989: 236-284]; либо как субморфы (наряду с другими типами субморфов) [Чурганова 1973]; 2) форманты типа -тельн-, -овск-, -инск-, -очк-, -ированн- считаются алломорфами второго компонента (суффиксов -н-, -ск-, -ик-, -к-, -нн-) [РГ-80]; 3) все приведенные выше форманты считаются функциональным объединением двух суффиксов [Милославский 1980; Богданов 1998]. Нам представляется наиболее убедительным последнее решение. Если хотя бы в ряде слов форманты типа -тельн-, -овск- разложимы на полноценные морфемы, обладающие значением и словообразовательной функцией, то есть все основания рассматривать их как формально членимые на морфемы во всех других производных, где они встречаются. Если же подобных **аналогических образцов** с последовательным присоединением отдельных морфем не имеется, то словообразовательные форманты, неделимые в современном русском языке с точки зрения содержания, считаются неделимыми на морфемном уровне и в формальном отношении: *бес-нова-(ть)-ся, смертельн-(ый), легенд-арн-(ый), уф-имск(ий)*.

Таким образом, важной особенностью аффиксального словообразования в русском языке является тот факт, что сложные форманты проявляют разную степень выделимости в их составе отдельных аффиксов. Разнообразие подходов к морфемному анализу свидетельствует об относительности морфемных границ как характерной черте структуры русского слова, соответствующей фузионной технике присоединения морфем (эта черта структуры русского слова остается ведущей, несмотря на рост агглютинации, см. ниже), а также цельности слова как языковой единицы. В славистике высказывалось мнение о том, что сегменты слова, обладающие в структуре слова той или иной функцией, а значит и выделимостью, имеют нетождественный статус [Исаченко 1972: 102]. Наряду с типичными морфемами с четко определяемым номинативным значением выделяются асемантические морфемы с регулярной строевой функцией (основообразующие суффиксы глаголов и соединительные элементы в сложных словах), а также менее регулярные субморфы, которые играют существенную роль в организации формальной структуры русского слова, но не обладают ни семантикой, ни четкой функцией. Поэтому субморфы не выделяются при морфемном членении слова, но их учет важен при членении словоформы на конечные составляющие, то есть при выделении всех структурированных элементов, использующихся в процессах словоизменения и словообразования. Субморфы могут выступать в качестве словообразовательного средства и даже форманта при окказиональной редеривации, ср. *картоха (картошка), *миса (миска), *суразный (несуразный) [Улуханов 1996: 50]. Размытые границы между классом морфем и

субморфов, не обладающих статусом морфемы, отвечают полемому принципу организации системы языка, его категорий и классов единиц. И в рамках класса морфем отдельные его единицы различаются степенью повторяемости, ясности значения, а значит, степенью выделимости в разных словах.

Данные черты структурных единиц русского словообразования лежат в основе специфических способов окказиональной деривации – неморфемного усечения, межсловного наложения, контаминации, изменение фонемного состава мотивирующего слова [Земская 1992: 200; Улуханов 1996: 52-55]. Первые два способа используются и в узуальном словообразовании [Улуханов 1996: 62, 65]. Асимметрия между формой и содержанием производного, в том числе и узуального, создается также за счет того, что нечленимому в формальном отношении дериватору соответствует комбинация словообразовательных значений, например комбинация мутационных и модификационных значений, ср. *жеманница* ('лицо' + 'женскость'), *родня* ('лицо' + 'собираемость'). Впервые комбинация словообразовательных значений такого типа подробно описана в [Улуханов 1996: 159-164].

3. Увеличение количества продуктивных словообразовательных моделей, по которым слова производятся в речи. В современном русском языке увеличивается количество узуальных производных слов, которые не фиксируются словарями. Такие производные представляют словопроизводство ('словообразование 1') в понимании И.А.Мельчука, т.е. «образование новых слов... где 'новые' понимается как 'существующие в современном языке, но не подлежащие внесению в словарь'», так как речь идет о регулярном производстве дериватов в речи по продуктивным моделям. Словопроизводство в таком понимании отличается от собственно словообразования ('словообразования 2'), где речь идет об изучении формального строения «н а л и ч н ы х лексем, которые обязательно должны быть в словаре (поскольку получить их по общим правилам невозможно), и, с другой стороны, о п о т е н ц и а л ь н ы х схемах для образования лексем, еще не существующих в данном языке» [Мельчук 1995: 477-478]. Помимо тех моделей, которые приводит И.А.Мельчук (глаголов с аффиксами *по-*, *до-* - *ся*, сложных прилагательных и др. [Мельчук 1995: 479-485]), можно также отметить, например, высокую продуктивность образования прилагательных с иностранными префиксами (*супер-*, *псевдо-*, *квази-*, *анти-* и др.), с новыми приставками *около-* (*околоправительственные*, *околомосковские*, *околоуниверситетские круги* и др.), *меж-* (*межправительственные*, *межуниверситетские*, *межрайонные мероприятия* и др.), *внутри-* (*внутриглагольный*, *внутриправительственный*, *внутриуниверситетский*, *внутригородской процесс* и др.). Возрастает продуктивность образования имен признака с суффиксом *-ость*, которые активно производятся, например, в лингвистических текстах, несмотря на то, что их не фиксируют словари: *членимость*, *лакунарность*, *дырчатость*, *имплицитность*, *аналитичность*, *агглютинативность*, *флективность*, *атрибутивность* и т.д.

Возрастает частотность использования такого способа словообразования, как сращение. Характерно, что, по данным И.С.Улуханова, большая

часть смешанных способов словообразования (двадцать из тридцати)² включают такой формант, как сложение или сращение [Улуханов 1996: 59-72]. Исследование роли сращения в речевой практике по материалам газет и публикаций на сайтах Интернета подтверждает вывод об активизации этого способа словопроизводства, что ведет к росту агглютинации и синтетизма в русском словообразовании. Проведенный эксперимент показал, что практически любое частотное, не очень длинное выражение активно употребляется в текстах Интернета со слитным написанием как одно слово, как правило, в функции определения или имени собственного, причем если это не имя собственное, то используются кавычки, подчеркивающие окказиональность однословного выражения. Ср.: *Он при этом был в состоянии "ничего непонимаю"...* *А состояние депрессии для меня – это вообще состояние "ничего не хочу", какие ж тут стихи; Он из разряда «мневсеравно», Это ситуация «такнебывает»; Он говорил мерзким голосом, имитируя интонацию «жди-теответа»; Муравей Навсеруки* (название стихотворения Алексея Капли); *Страна чудес: Поручик Противвсех* (название статьи в газете «Ведомости», 20.07.2004). Сращению подвергаются также предлоги с существительными в форме соответствующего падежа, ср. [Улуханов 1996: 66], ср.: *Все это надо оставить на «послеработы»; С послешколы я мечтаю об одном; Для многих параллельная жизнь, которую скромно именуют хобби или увлечением, – единственно настоящая и стоящая. А текущее существование с его мелкими и крупными неприятностями, монотонным чередованием работы и "послеработы", необходимостью тратить время на житейские нужды – досадное, но необходимое приложение к параллельному бытию* («Сегодня» 18.01. 2003). Стилистическим эффектом образования таких окказионализмов выступает типизация обозначаемого явления, для которого вырабатывается специальная однословная номинация с агглютинативной формальной и четкой содержательной структурой.

Вывод о росте продуктивности сращения подтверждается также сопоставительным анализом применения на практике сосуществующих в настоящее время двух систем правил для написания узуальных сложных прилагательных (представленных в ряде учебных пособий, например [Кайдалова, Калинина 1983], и в изданиях Словаря-справочника «Слитно или раздельно?»). Ср. соответственно *остро психологический момент, остро драматический характер; узко утилитарный подход, узко эстетическая проблема* [Кайдалова, Калинина 1983: 103, 104] // *остропсихологический момент, остродраматический характер; узкоутилитарный подход, узкоэстетическая проблема* [«Слитно или раздельно?» 1983: 504, 766-767]. В современной орфографической практике, по нашим наблюдениям, чаще реализуется слитное написание.

---

² Всего же И.С.Улуханов описывает 79 способов словообразования, представленных в современном русском языке узуально или окказионально [Улуханов 1996: 203]. Отметим, что в данной полной и подробной системе способов словообразования не получила должного внимания словообразовательная функция флексий, например в таких дериватах, как *дежурный*→*дежурная*; *бег** →*бега*, *лес**→*леса* (на стройке).

4. Разнонаправленные отношения производности в словообразовательной системе. Анализ направлений производности в словообразовательной системе русского языка [Улуханов 1996: 156-157] показывает, что наряду с преобладающими направлениями деривации, например в образовании оценочных имен лиц от прилагательных (ср. *умный* → *умник*, *наглый* → *наглец*, *упрямый* → *упрямец*), имен действия от глаголов (*обсуждать* → *обсуждение*, *разбегаться* → *разбег*), система допускает и противоположные отношения деривации, например *урод* → *уродливый*, *неряха* → *неряшливый*, *нахал* → *нахальный*; *флирт* → *флиртовать*, *блеф* → *блефовать*, *пас* → *пасовать* (глаголы мотивируются заимствованными именами действия). Кроме того, все активнее имена действия образуются при помощи суффикса *-изаци(j)*- от имен существительных, а также от имен прилагательных, как правило иностранного происхождения. Ср. частотные существительные со значением ('снабжение чем-либо' или 'приобретение признака'), употребляющиеся на официальных сайтах Интернета: *автомобилизация* ← *автомобиль*, *алкоголизация* ← *алкоголь*, *аффиксация* ← *аффикс*, *диспансеризация* ← *диспансер*, *люмпенизация* ← *люмпен*, *паспортизация* ← *паспорт*, *профессионализация* ← *профессионал*, *славянизация* ← *славяне*; *вульгаризация* ← *вульгарный* и др.

Таким образом, словообразовательные типы со значением опредмеченного действия могут быть как чисто транспозиционными (при отглагольной деривации), так и мутационными (при образовании от имен существительных и прилагательных). Глагольные лакуны в соответствующих словообразовательных цепочках актуализируют роль форманта в выражении имени действия. Соответствующие словообразовательные категории, а также словообразовательные типы, характеризующиеся единством словообразовательной семантики и форманта, могут включать производные, образованные от разных частей речи [Земская 1992: 25, 38; Петрухина 2004]. Расширение производящей базы словообразовательного типа увеличивает деривационный потенциал форманта, а сам словообразовательный механизм становится более гибким и оперативным (о расширении словообразовательной семантики производных имен лиц см. [Ермакова 2004]).

Исследование реализованных и потенциальных возможностей словообразовательной системы [Улуханов 1996] позволяет осмыслить механизм словотворчества и пополнения лексики современного русского языка новыми производными, активированный в результате изменившихся социальных условий коммуникации и возникших потребностей номинации.

Литература

Богданов. С.И. Форма слова и морфологическая форма. Санкт-Петербург, 1998, с. 48-53.

Ермакова О.П. Активные тенденции изменений семантической структуры имен лиц // Проблемы теории и истории славянского словоупотребления. Минск 2004.

- Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М., 1992.
- Земская Е.А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). М., 1996.
- Земская Е.А. Функции словообразования в языке русского зарубежья // K. Kleszczowa, L. Selimski. Słowotwórstwo a inne sposoby nominacji. Materiały z 4 konferencji Komisji Słowotwórstwa przy Międzynarodowym Komitecie Słowistów. Katowice 2000.
- Исаченко А.В. Роль усечения в русском словообразовании. С.101. International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. R. 15, 1972.
- Кайдалова А.И., Калинина И.К. Современная русская орфография. М., 1983.
- Слитно или раздельно? Опыт словаря-справочника. М., 1983.
- Коряковцева Е.И. Единицы диахронического описания словообразовательной системы: словообразовательная категория // R. Belentschikow (Hrsg.) Neue Wege der slavistischen Wortbildungsforschung. Vergleichende Studien zu den Slavischen Sprachen und Literaturen. Band 3. Frankfurt am Mein, 1999.
- Кубрякова Е.С. Актуальные проблемы изучения словообразовательных систем славянских языков. // Научные доклады филологического факультета МГУ 3. Москва. 1998.
- Кубрякова Е.С. Когнитивные аспекты словообразования и связанные с ним правила инференции (семантического вывода) // R. Belentschikow (Hrsg.) Neue Wege der slavistischen Wortbildungsforschung. Vergleichende Studien zu den Slavischen Sprachen und Literaturen. Band 3. Frankfurt am Mein, 1999.
- Кубрякова Е.С. О ключевых проблемах теории словообразования // Проблемы теории и истории славянского словоупотребления. Минск 2004.
- Мельчук И.Г. Русский язык в модели «Смысл-текст». Москва – Вена 1995.
- Милославский И.Г. Вопросы словообразовательного синтеза. М., 1980.
- Милославский И.Г. Изучение словообразования – самоцель или средство? // Renate Belentschikow (Hrsg.) Forschungen zur Linguistik und Poetik: Zum Andenken an Grigorij O. Vinokur (1896-1947). Frankfurt am Main 1997.
- Милославский И.Г. О проекте словообразовательного словаря русского языка для активных речевых действий // S.Mengel (Hg.). Slavische Wortbildung: Semantik und Kombinatorik. Münster – Hamburg – London. 2002.
- Милославский И.Г. Активная речевая деятельность – дырчатость языка – языковая картина мира // Русское слово в мировой культуре. Пленарные заседания: Сборник докладов. Том I, Санкт-Петербург 2003.
- Нещименко Г.П. Активизация использования словообразования в языке публичной коммуникации в конце столетия // K. Kleszczowa, L. Selimski. Słowotwórstwo a inne sposoby nominacji. Materiały z 4 konferencji Komisji Słowotwórstwa przy Międzynarodowym Komitecie Słowistów. Katowice 2000.
- Нещименко Г.П. О некоторых тенденциях в развитии современного славянского словообразования // Проблемы теории и истории славянского словоупотребления. Минск 2004.

Оливериус З. Морфемы русского языка; Частотный словарь. Прага, 1976. С.26.

Панов. М.В. Позиционная морфология русского языка. М., 1999. С.100.

Петрухина Е.В. Словообразовательная семантика в системе языковых значений // Проблемы теории и истории славянского словоупотребления. Минск 2004.

Русская грамматика. Т.1. М., 1980 (РГ– 80).

Тихонов А.Н. 1999. Синхронные границы словообразовательного гнезда // *Vergleichende Studien zu den Slavischen Sprachen und Literaturen* 3. R. Belentschikow (hrsg.). Frankfurt am Mein.

Улукханов И.С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация М., 1996.

Dokulil M. Tvoření slov v češtině. 1. Teorie odvozování slov. Praha, 1962.

Чурганова. В.Г. Очерк русской морфологии. М., 1973.